

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

doi: 10.26907/2541-7738.2021.2.86-106

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ЕГО ПРЕДМЕТА И СПОСОБОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И.А. Тарханов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье дан анализ обширного доктринального и нормативного материала, на основе которого формируется авторское представление о характеристике уголовного права, его предмете, а также о способах уголовно-правового регулирования. Феномен уголовного права анализируется с разных точек зрения, а в самом исследовании выделяется несколько блоков, позволяющих рассмотреть основной вопрос с различных сторон. Отмечено, что уголовное право выполняет регулируемую роль в определенных сферах общественной жизни. Сделан акцент на том, что понятие «уголовное право» используется в юридических источниках в разных значениях, что необходимо учитывать для более полного понимания данного феномена. Подтвержден тезис о том, что государство (только в лице законодателя) оказывает непосредственное уголовно-правовое воздействие на те отношения, которые возникают в связи с изданием уголовно-правового запрета, и что между понятиями «уголовно-правовое воздействие» и «уголовно-правовое регулирование» имеются определенные отличия. Сделан вывод, что понятие «уголовно-правовое воздействие» является более широким и включает в себя все формы влияния права на нормальное функционирование отношений, охраняемых и иным образом обеспечиваемых средствами уголовного закона.

Ключевые слова: уголовное право, предмет уголовного права, доктрина права, уголовное преследование, необходимая оборона, содержание уголовного права, уголовно-правовые отношения

1. В литературе справедливо отмечается, что уголовное право относится к числу старейших правовых систем, хотя приоритет традиционно отдается гражданско-правовой отрасли. Действительно, изначально правовому регулированию подвергалась частная, хозяйственная сфера человеческой деятельности. Однако со временем не все гражданско-правовые предписания могли быть реализованы посредством применения только собственных мер ответственности за правонарушения (гражданские деликты). В результате потребовалась законодательная

регламентация и последующее применение более строгих мер юридической *защиты* частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений. Сложившаяся охрана юридически «удваивается» за счет наличия мер гражданско-правовой и уголовной ответственности. В дальнейшем эта юридическая конструкция становится одним из краеугольных камней учения об уголовном праве как о правовом регуляторе, который выполняет исключительно роль (функцию) *санкции* за нарушение норм другой отраслевой принадлежности. Тем самым фактически признается, что уголовное право не имеет собственного предмета правового регулирования.

Такой подход оказал определенное влияние на научные взгляды отечественных правоведов, в том числе и некоторых ученых-криминалистов. При этом следует признать, что в современной уголовно-правовой литературе к числу упомянутых правоведов неоправданно, на наш взгляд, стали относить выдающегося выпускника юридического факультета Казанского университета, члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора А.А. Пионтковского. В свое время он действительно подчеркивал, что уголовный закон «придает особую силу и значение уже существующим нормам других областей права и тем самым участвует в установлении соответствующих правоотношений...» [1, с. 12, 13]. Однако из этого суждения нередко делается вывод, что А.А. Пионтковский признавал за уголовным правом только роль «охранника» общественных отношений, регулируемых другими отраслями права.

Думается, что это не совсем так. Уголовные законы, обеспечивая нормальное развитие существующих общественных отношений, действительно, придают «особую силу и значение» нормам соответствующих отраслей. Однако из этого положения совсем не следует, что уголовное право призвано только охранять общественные отношения, регулируемые другими отраслями права, хотя оно и «выполняет... *охранительную функцию* в отношении других отраслей права» [1, с. 12]. Наоборот, А.А. Пионтковский утверждает, что есть сфера правового регулирования интересов, которые не регламентируются какой-либо иной отраслью права, кроме уголовного: это жизнь, здоровье людей, общественные ценности и иные блага, составляющие сферу публичного, а не частного интереса (к примеру, безопасность людей и др.). Ученый подчеркивает особую роль в *создании* общественных отношений уголовного закона, который «непосредственно сам определяет в своих диспозициях объем и содержание соответствующих прав и обязанностей участников правоотношений», называя их «специфическими», «особыми», возникающими в связи с совершением преступления [2, с. 86].

Идею о наличии у уголовного права особой сферы правового регулирования обосновывали известные отечественные криминалисты Н.Д. Дурманов [3], А.Н. Трайнин [4]. Сейчас ее поддерживают современные ученые. Так, профессор Н.А. Лопашенко пишет, что уголовное право «начиналось с формулирования безусловных запретов... убийства... позже – преступлений против государя и веры...» [5, с. 1–2]. Эти дела из частных (к примеру, кровная месть, компенсация потерпевшему в имущественном виде) трансформируются в публичные. Правовое регулирование происходит благодаря вмешательству в эту сферу государства посредством создания уголовно-правовых норм. На их основе возникают уголовно-правовые отношения. Этот подход кажется нам верным.

Известно, что уже первые памятники права Древней Руси фактически фиксируют этот *публичный* статус уголовного права, когда возникающие в результате межличностного конфликта отношения утрачивают характер связи только между правонарушителем и потерпевшим. Вершителем их судеб, *регулятором* их взаимоотношений постепенно становится государство в лице соответствующих органов власти.

Следовательно, при безусловном наличии *охранительной* функции, обеспечивающей реализацию норм других отраслей права, уголовное право выполняет важную *регулирующую* роль в определенных сферах общественной жизни.

2. Этот экскурс позволяет перейти к характеристике различных подходов ко многим проблемам уголовного права, для которого в мировой науке не существует однозначного определения. Так, даже вопрос о *наименовании* рассматриваемой отрасли права в разных странах решается неодинаково. В самом содержании уголовного права обычно выделяются два основных элемента – преступление и наказание. Однако в одних странах приоритет в наименовании отдается термину «преступление», а в других – «наказание». Так, в англосаксонской правовой системе данная отрасль именуется *criminal law* (от лат. *crimen* – «преступление»), а в континентальной системе ее наименование связывается с наказанием (например, *strafrecht* в Германии, *наказательно то право* – в Болгарии).

Один из наиболее известных в международном сообществе выпускников юридического факультета Казанского университета, авторитетный российский ученый-криминалист профессор А.В. Наумов утверждает, что в русском наименовании этой отрасли права «такой двойственности... нет», поскольку термин «уголовное» охватывает оба концепта: и преступление, и наказание [6, с. 1]. Действительно, в ранних правовых памятниках Древней Руси термин «головничество» обозначал обычно убийство. С другой стороны, термин «уголовный» нередко связывается с наказанием, то есть ответственностью за различные виды преступлений именно «головой» (а значит, жизнью).

Можно заключить, что точное происхождение наименования «уголовное право» до сих пор не установлено, хотя достоверен вывод о том, что сам термин «уголовное» действительно сочетает в себе *оба* названных аспекта (преступление и наказание) и является исконно русским [5, с. 2].

3. Понятие «уголовное право» используется в юридических источниках в разных значениях. Это требует учета при определении его предмета. Обычно выделяются следующие значения термина «уголовное право»: 1) «отрасль системы права»; 2) «отрасль уголовного законодательства»; 3) «наука» и 4) «учебная дисциплина».

Следует подчеркнуть, что уголовно-правовая *наука* близка по ряду своих содержательных элементов к уголовному праву как *учебной дисциплине*. Действительно, этот учебный курс включает в себя изучение Общей и Особенной частей уголовного права и предполагает освоение основных его категорий и понятий, уже выработанных наукой, то есть получение имеющихся знаний об уголовном праве и его применении¹.

¹ Уголовное право как отрасль науки может рассматриваться в философском отношении как система знаний, теоретических концепций и построений, научных идей и взглядов об уголовном праве и уголовном законодательстве. Еще в 1820 г. профессор Казанского университета Г.И. Солнцев определял уголовное право как

Уголовное право в качестве самостоятельной *отрасли* российской правовой системы представляется обычно как *совокупность норм*, большая часть которых получает отражение в уголовном *законодательстве*. По справедливому мнению известного теоретика права и выпускника юрфака КГУ профессора В.В. Лазарева, право не сводится только к нормам закона, а сфера действия права не может «ограничиваться исключительно законодательными предписаниями» [7, с. 108]. Однако нередко эти понятия употребляются как тождественные, и уголовное право воспринимается именно как совокупность законодательных предписаний.

4. Вопрос о *предмете* уголовного права как *отрасли* права в современной уголовно-правовой литературе признается дискуссионным, не до конца решенным, хотя справедливо считается «ядром учения об основах уголовно-правового регулирования» [8, с. 53].

Среди факторов, определяющих содержание научной дискуссии, следует особо выделить неоднозначное толкование таких категорий, как общественные отношения и поведение, сфера и объекты уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия, действие уголовного законодательства и установление действительного соотношения между названными категориями.

В *философском* смысле понятие «предмет» трактуется обычно как некоторая целостность, выделенная из мира объектов [9, с. 232]. По мнению В.В. Лазарева, *сфера* правового регулирования есть нечто *изначальное* по отношению к правотворческой деятельности. Это совокупность неупорядоченных отношений и фактов, которые объективно *требуют* правового регулирования. Можно сделать вывод, что и предмет уголовного права составляют не *любые* объекты действительности, которые должны и в принципе могут «упорядочиваться» с помощью уголовно-правовых средств» [7, с. 107]. Его содержание видится *вне* самой деятельности людей, поскольку «общественные отношения есть самый общий объект воздействия права» [7, с. 109].

Таким образом, в общей теории права принято считать, что сфера правового регулирования – это не вся совокупность социальных объектов, а только та их часть, которая объективно *нуждается* в правовом регулировании. Это некая группа общественных отношений, требующих *упорядочивания*. В уголовном праве оно осуществляется уголовно-правовыми средствами.

В российской правовой доктрине предлагается различать правовое регулирование и правовое воздействие. С этим следует согласиться, поскольку в теории уголовного права их содержание и объекты отличаются по ряду параметров. При этом уголовно-правовое воздействие нередко считается понятием, более широким по своему объему, чем уголовно-правовое регулирование [10, с. 72]. Кроме того, каждое из них, будучи способом *влияния* права на общественную жизнь, отличается по своему характеру и объекту. Так, одной из форм воздействия уголовного права является *охрана* общественных отношений. В то же время уголовно-правовое *регулирование* означает их упорядочение. Следовательно, определенными уголовно-правовыми средствами можно охранять некоторые общественные отношения, не вмешиваясь в их нормативное развитие (то есть

не определяя юридической формы в виде установления прав и обязанностей участников, их взаимодействия между собой и др.).

Существует также мнение, что объектом уголовно-правового регулирования являются общественные отношения, а объектом уголовно-правового воздействия – поведение людей. Поэтому Т.Н. Радько предлагает различать собственно регулирование (регламентацию), воздействие в процессе регулирования и воздействие вне регулирования [11, с. 309]. Теоретики права стремятся не разрывать понятийную связь общественных отношений и поведения их субъектов. Не случайно поведение людей нередко рассматривается как материальное содержание правоотношений, то есть как их деятельность [12, с. 100–102]. Один из известных правоведов – представителей казанской юридической школы профессор В.М. Горшенев подчеркивал, что «нельзя сводить результат правового воздействия только к *установлению* (курсив наш. – *И.Т.*) правоотношений... Правовой эффект – результат правового воздействия следует искать в самом *поведении субъектов* (курсив наш. – *И.Т.*), а не в способах и формах, с помощью которых он достигается» [13, с. 46].

Эти суждения необходимо учитывать при характеристике предмета уголовного права. Один из воспитанников Казанской юридической школы Е.А. Фролов предложил идею о необходимости выделения в его содержании, во-первых, предмета уголовно-правового регулирования и, во-вторых, предмета уголовно-правового воздействия [14, с. 7–8]. Эта идея оказалась востребованной в современной доктрине уголовного права.

По мнению Н.В. Генрих, предметом уголовно-правового *регулирования* является группа однородных общественных отношений, которые могут и должны регулироваться уголовным законодательством. При этом она исходит из того, что именно уголовно-правовые нормы «создают определенные модели поведения их участников при наступлении тех или иных юридических фактов» [8, с. 80–81]. Из сказанного следует, что речь идет о предмете уголовно-правового *регулирования* как одном из элементов (составляющих) предмета уголовного права.

Известно, что в общей теории права выделяются так называемые базисные отношения, к числу которых обычно относят общественные отношения в сфере производства, обмена и распределения материальных благ. Они (например, отношения собственности) упорядочиваются главным образом нормами гражданского права, то есть регулируются ими, вследствие чего эти отношения обретают характер гражданских правоотношений, которые, как отмечается, особо охраняются уголовным законом от преступных посягательств. Это составляет одну из важнейших задач уголовного закона (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Для ее решения он устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет круг преступных деяний и предусматривает наказания и иные меры уголовно-правового характера «за совершение преступлений» (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Таким образом, с помощью этих уголовно-правовых средств уголовное право *обеспечивает* нормативное развитие общественных отношений, которые регулируются нормами другой отраслевой принадлежности [15, с. 12].

Из этой теоретической конструкции иногда следует неправильный, по нашему мнению, вывод о том, что уголовное право как отрасль не имеет собственного, отличного от других предмета уголовно-правового регулирования. Это положение

представляется необоснованным, хотя в современной доктрине уголовного права в качестве его сторонников называют М.И. Ковалева, Б.Т. Разгильдиева, А.А. Пионтковского и других видных ученых.

Так, М.И. Ковалев действительно иногда представлял уголовное право лишь в образе сторожа (часового), готового отразить любое вторжение на его охраняемый объект [16, с. 87]. Однако почитатель таланта ученого и его коллега И.Я. Козаченко уточнил, что уголовное право «не есть сторож, пограничник, вахтер, охранник и т. д. Оно не караулит “чужие” общественные отношения днем и ночью, а охраняет их по иному сценарию и другими методами». Он полагает, что уголовное право выполняет охранительную функцию опосредованно, «как бы по ходу выполнения основной, сугубо уголовно-правовой функции – регулятивной» [16, с. 87].

Следует признать, что уголовное право действительно *не регулирует* определенную категорию и группу общественных отношений, но при этом оказывает серьезное *влияние* на их нормальное функционирование². Оно осуществляется путем охраны этих отношений, которая реализуется в том числе посредством: а) воздействия норм уголовного права на *поведение* людей (включая удержание их от вмешательства в нормальное развитие охраняемых уголовным законом уже существующих правоотношений), а также б) привлечения виновных к уголовной ответственности за нарушение уголовно-правового *запрета*.

Предметом уголовного права нередко принято считать ту *сферу* общественных отношений, которая объективно не может подвергаться регулированию нормами других отраслей права. Так, уголовное право посредством собственного нормативного инструментария именно предписывает уважать жизнь другого человека, а не только наказывает за причинение ему смерти. Иными словами, уголовно-правовые нормы через установление запретов на неправомерное причинение смерти другому человеку (а не только санкции за их нарушение) заключают в своем содержании обязанность уважительно относиться к жизни другого. Посягательство на жизнь и иные предусмотренные уголовным законом деяния являются источником возникновения особых отношений, которые в теории уголовного права получили наименование *регулятивных*, то есть регулируемых нормами самого уголовного права.

Таким образом, уголовное право призвано, с одной стороны, *охранять* уже существующие правоотношения и, с другой, регулировать отношения, *возникающие* в связи с нарушением уголовно-правового запрета. Однако констатация этого обстоятельства не означает, что дискуссию по вопросу о предмете уголовного права следует считать исчерпанной.

5. В уголовно-правовой доктрине она развивается в рамках определения содержания данного предмета с точки зрения как количественной, так и качественной его характеристики.

² В литературе сформулирована и обоснована концепция, согласно которой предмет правового регулирования един для всех отраслей права: это совокупность существующих общественных отношений, которые имеют разные «стороны», «аспекты». Так, по мнению Н.М. Кропачева, отсутствуют основания для исключения из предмета уголовно-правового регулирования «общественных отношений, регулируемых прочими отраслями права...» (см.: Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999. С. 42).

Существует мнение, что предмет уголовного права – это совокупность трех его составляющих (или элементов), причем в их наименовании вновь используется термин «предмет». По мнению Н.В. Генрих, таковыми следует считать 1) предмет уголовно-правовой *охраны*; 2) предмет уголовно-правового *воздействия*; 3) предмет уголовно-правового *регулирования* [8, с. 90]. Каждый из них представлен ею как *отношения*: поставленные под охрану уголовного закона, связанные с удержанием лиц от нарушения уголовно-правового запрета, а также те, которые объективно требуют упорядочения уголовно-правовыми нормами как специально созданными для этого средствами.

А.В. Наумов также включает в предмет уголовного права три разновидности общественных отношений. При этом первая из них, судя по всему, входит в предмет уголовно-правового *регулирования*, а две другие составляют особую группу предмета уголовного права: 1) охранительные уголовно-правовые отношения (в их традиционном понимании), возникающие в связи с совершением преступления; 2) отношения, связанные с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания и 3) общественные отношения, входящие в предмет уголовного *права* (выделено нами. – *И.Т.*), которые регулируются уголовно-правовыми нормами, наделяющими граждан правами на причинение вреда при защите от опасных посягательств при необходимой обороне... и других обстоятельствах, исключающих преступность деяния [6, с. 6–12].

Следует подчеркнуть, что некоторые из названных видов отношений включают в предмет уголовного права и другие ученые-криминалисты, называя их при этом регулятивными [17, с. 20].

Однако существует и другая концепция, согласно которой предмет уголовного права составляют две группы взаимосвязанных, но одновременно и самостоятельных *уголовно-правовых* отношений. Н.А. Лопашенко относит к их числу *охранительно-предупредительные* отношения (возникающие с момента вступления в действие нового уголовного законодательства и длящиеся постоянно) и *уголовно-регулятивные* отношения (возникающие «при нарушении позитивных охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений»). При этом ученый полагает, что последние также обладают предупредительным воздействием, а охранительно-предупредительные отношения, в свою очередь, «являются по своему характеру регулятивными отношениями». Поэтому в их наименованиях автором идеи учтены не все, а только «доминирующие в каждой группе отношений характеристики» [5, с. 5].

Таким образом, в современной уголовно-правовой литературе нет единого понимания относительно не только реального содержания предмета уголовного права, но и количества, а также наименования элементов, включаемых в его содержание.

6. Анализ сходств и различий в упомянутых ранее и иных концепциях и теоретических построениях относительно предмета уголовного права позволяет убедиться, что в его содержание многие исследователи включают *отношения*, возникающие *в связи с совершением преступления (или нарушением уголовно-правового запрета* лицом, находящимся под *юрисдикцией* действующего уголовного закона).

Представляется, что для этого имеются достаточные основания, хотя одни специалисты называют их *охранительными* (А.В. Наумов, Н.Е. Крылова, А.И. Чуцаев и др.), а другие – уголовно-правовыми в узком смысле слова (Н.Ф. Кузнецова, Ф.Р. Сундуров) или *уголовно-регулятивными* (Н.А. Лопашенко). В каждом из приведенных наименований этих отношений усматривается рациональное зерно. Действительно, с одной стороны, в них отражается охранительная функция уголовного права, а с другой – то, что эти отношения являются предметом уголовно-правового *регулирувания* будучи фрагментом (элементом) предмета уголовного права.

Уголовно-правовой запрет является основным уголовно-правовым инструментом обеспечения нормального функционирования охраняемых уголовным законом государственных, общественных и личных (индивидуальных, групповых, корпоративных) интересов. Нарушение запрета является юридическим фактом, порождающим охранительно-регулятивные отношения в связи с причинением вреда охраняемым законом интересам. Это конфликтные отношения. При этом, как справедливо полагает Н.В. Генрих, уголовно-правовой конфликт – это «прежде всего конфликт человека и всего общества, объединенного в государство» [8, с. 86]. Поэтому «в рамках уголовно-правовых регулятивных отношений, – пишет И.Я. Козаченко, – решается... двуединая задача – восстановление, если это возможно, либо компенсация утраченного блага или права потерпевшего и ограничение или лишение виновного в совершении преступления прав социального, личного неимущественного, имущественного, морального, психологического или биологического... характера» [15, с. 87].

На упорядочение (установление «нормативной определенности» [18, с. 13]) конкретных отношений направлено действие регламентирующих их уголовно-правовых норм. В них содержатся соответствующие модели правовой связи государства (в лице соответствующих органов) и нарушителя запрета, находящегося под юрисдикцией уголовного закона. Важно подчеркнуть, что закрепленные в нем соответствующие уголовно-правовые нормы реализуются посредством *правоприменения*. Оно отражает специфику взаимоотношений указанных субъектов. Итоги правоприменительного процесса фиксируются в уголовно-процессуальных актах, к числу которых относится, к примеру, обвинительный приговор суда.

Таким образом, *сферу* уголовно-правового регулирования, рассматриваемую в качестве одного из элементов содержания предмета уголовного права, действительно составляют *отношения, требующие упорядочения в связи с нарушением уголовно-правового запрета лицом, находящимся под юрисдикцией уголовного закона*. По своей юридической природе возникшие отношения являются *уголовно-правовыми*. По источнику возникновения, характеру и направленности их действительно можно рассматривать как *охранительно-регулятивные*.

Как отмечалось, данные отношения проистекают из уголовно-правового конфликта, поэтому эти отношения особого рода иногда признаются вредными и опасными для охраняемых уголовным законом социально полезных отношений [19, с. 109]. В связи с этим Н.И. Коржанский и Н.Н. Рыбушкин полагают, что рассматриваемые уголовно-правовые нормы направлены не на регулирование,

а на вытеснение, ликвидацию вредных отношений между преступником и государством [20, с. 149; 21, с. 136]. «Уголовно-правовая норма, – пишет Н.Н. Рыбушкин, – не может иметь предметом своего регулирования отношение, которое вытесняется» [22, с. 172].

Думается, что подобная оценка природы и направленности анализируемых уголовных правоотношений предлагается на основе иных, скорее аксиологических и функциональных критериев. Они подчеркивают негативное отношение самого преступника к регламентируемым законом социальным ценностям. Данные уголовно-правовые отношения предлагается рассматривать как реализованную модель разрешения уголовно-правового конфликта, проявляющегося в нарушении уголовно-правового запрета. Думается, что такое понимание допустимо, хотя является односторонним и не в полной мере характеризует уголовно-правовые отношения с позиции предмета уголовного права.

7. В уголовно-правовой литературе активно дискутируется вопрос об обоснованности включения в предмет уголовного права общественных отношений, возникающих в связи с *изданием уголовного закона*. В научных и учебных изданиях содержатся доводы сторонников и оппонентов соответствующего решения, хотя наличие определенной юридической связи между государством (в лице законодателя) и адресатами изданного уголовного закона обычно не отрицается.

А.В. Наумов называет такую сопряженность отношениями, «связанными с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания, содержащейся в уголовно-правовых нормах» либо общепредупредительными отношениями [6, с. 7–10]. Н.А. Лопашенко именует их охранительно-предупредительными, «проистекающими из самого существования уголовного запрета...» [5, с. 5]. Как отмечалось ранее, Н.Ф. Кузнецова относит их к разряду уголовно-правовых в широком смысле слова. Позиция Н.Ф. Кузнецовой поддерживается Ф.Р. Сундуровым, который понимает под обозначенной категорией общепредупредительные отношения [23, с. 19].

Сторонники рассматриваемого подхода полагают, что с момента вступления уголовного закона в силу юридическая связь между государством и адресатами этого закона проявляет себя именно как правоотношение. Оно может «разрываться» фактом совершения преступления [24, с. 122–123]. Субъектный состав этих отношений представлен, с одной стороны, лицами, подпадающими под юрисдикцию данного закона, и, с другой стороны, государством, издавшим данный закон. Эту сторону (субъекта) отношений иногда называют государством *в лице* компетентных органов. Такое уточнение нельзя признать оправданным.

Следует признать, что данная уголовно-правовая концепция развивается с опорой на положения общей теории права, в которой предлагается выделять, в частности, абсолютные, относительные (конкретные) и общие (общерегулятивные) отношения с учетом степени их конкретизации и особенностей субъектного состава [25, с. 513]. Юридической основой возникновения общерегулятивных (общих) отношений является издание нормы права. Следовательно, роль юридического факта, вызывающего к жизни данные отношения, выполняет событие в виде вступления в силу закона. При этом считается, что правоотношения возникают в *результате* воздействия норм права на имеющие место

(фактические) общественные отношения. Они направлены на установление юридической *связи* между государством и адресатами правовых норм.

В уголовно-правовой сфере указанная концепция реализуется посредством взаимодействия ее сторон, но *вне сферы правоприменения*, когда адресат закона пользуется иными формами (способами) правореализации. Круг адресатов вступившего в силу уголовного закона не определен им конкретно, хотя и ограничивается лицами, подпадающими под его юрисдикцию. Поэтому установившаяся в результате издания уголовного закона юридическая связь является достаточно глобальной и абстрактной. В своем содержании она включает право государства издавать законы и требовать их исполнения, а также обязанность соответствующих адресатов выполнять законные требования.

В структуре объективного права специалистами выделяется «общерегулятивное охранительное правовое отношение» [26, с. 304–310]. По мнению казанских ученых-правоведов, оно образуется посредством комплекса норм, среди которых соответствующее место занимают запретительные и ограничительные нормы права.

Уголовно-правовой запрет, по утверждению А.В. Наумова, «налагает на граждан обязанность воздержаться от совершения преступления...» (от нарушения уголовно-правового запрета), хотя его адресатами он считает лишь неустойчивых лиц [6, с. 7]. Государство как субъект данного отношения располагает правом привлечения нарушителей запрета к уголовной ответственности или применения иных мер уголовно-правового характера. «Содержание охранительно-предупредительных уголовно-правовых отношений, – пишет Н.А. Лопашенко, – составляет охрана признаваемых обществом ценностей...». Формирование уголовно-правовых запретов и правил уголовно-правового регулирования оказывает, по словам автора, «сдерживающее *воздействие* (курсив наш. – *И.Т.*) на всех лиц» [5, с. 5].

Таким образом, сам факт определения законодателем круга деяний на основе сочетания в нем уголовно-правового запрета и санкции за его нарушение рассматривается на этом этапе в качестве основного уголовно-правового средства *охраны* господствующих общественных отношений и, одновременно с этим, *предупреждения* посягательства на их нормальное функционирование.

В уголовно-правовой литературе идея включения общерегулятивных отношений в содержание предмета уголовного права (под наименованием «общепредупредительных») подвергается критике по различным направлениям: подобные отношения рассматриваются иногда как чуждые природе уголовного права, не имеющие четко обозначенных субъектов и указания на их взаимные права и обязанности. По мнению некоторых оппонентов, адресат закона четко не ограничен, при этом каждое лицо обременено только обязанностью соблюдать требования уголовно-правовой нормы, содержащей санкцию за совершение им преступления [27, с. 26; 28; 29, с. 10–41].

Нельзя отрицать, что наличие в правовой норме указанного ранее сочетания уголовно-правовых инструментов формирует определенные ее качества и свойства, способные удерживать людей от посягательства на охраняемые уголовным законом социальные ценности, то есть предупреждать совершение преступлений путем воздействия на их сознание и волю. Это способно порождать мотивацию к правомерному поведению. Однако, по мнению Г.О. Петровой, такое требование

определяется не наличием уголовного закона, а необходимостью соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 2 ст. 15 Основного закона). Оно не входит «в уголовно-правовую норму, соответственно и в уголовно-правовое отношение» [27, с. 25–26]. Иными словами, существование особых уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с изданием уголовного закона, подвергается сомнению, вызывает серьезную критику.

Н.Ф. Кузнецова, признавая эти отношения уголовно-правовыми в широком смысле, также считала их адресатами только «неустойчивых лиц», а в более ранних своих работах утверждала, что «тот, кто не совершает преступлений – для уголовного права безразличен» [30, с. 64]. Нельзя не отметить, что данный тезис выдвигался еще классиками марксизма. «Помимо своих действий, – писал в свое время К. Маркс, – я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его субъектом» [31, с. 14]. Думается, что эти положения вряд ли имеют прямое, непосредственное отношение именно к теме правовой связи людей со вступившим в силу уголовным законом. Очевидно, в первую очередь они ориентируют цивилизованное общество на то, что человек не должен в уголовно-правовом порядке быть наказан за свои помыслы, чувства и убеждения. Однако нельзя полностью исключать, что эти принципиальные положения могут быть интерпретированы и иным образом, в другом контексте.

Так, по мнению части ученых-правоведов, воздействие норм уголовного права на сознание и поведение человека «не означает автоматическое вступление лица в разнообразные отношения» [17, с. 20]. Считается, что такая позиция противоречит сущности правоотношений. Ю.И. Ляпунов утверждал, что «общепредупредительная роль уголовного права есть необходимый элемент правового *воздействия* (курсив наш. – И.Т.), но отнюдь не правового регулирования» [32, с. 51]. Считается, что такое воздействие имеет своим объектом не сами общественные отношения, а *поведение* людей посредством влияния на их сознание и волю.

По мнению другой части ученых-криминалистов, юридическая связь, возникающая в результате издания уголовного закона, может быть отнесена к категории уголовных правоотношений. Воспитанник казанской юридической школы, один из первых в нашей стране исследователей современной теории уголовно-правовых отношений, профессор Н.А. Огурцов полагал, в частности, что они существуют и в сфере соблюдения людьми уголовно-правовых норм [33, с. 50].

Этот подход в доктрине нередко связывают с функциями уголовного права. «Напоминание о возможности подключения жестких мер государственного принуждения, – пишет Н.И. Пикуров, – одна из функций уголовно-правового запрета» [34, с. 17–18]. Из этого можно сделать вывод, что данные нормы оказывают таким образом влияние на поведение людей *в рамках* установившихся правоотношений между государством и адресатами закона.

Существует также мнение, что следует различать правоотношение – *средство* уголовно-правового регулирования и правоотношение – *результат* такого регулирования. По мнению его сторонников, последнее «заключается в фактической реализации субъектом регулируемых общественных отношений своих прав и обязанностей, адресованных ему нормами уголовного права» [35, с. 43].

Нельзя отрицать, что уголовное право действительно оказывает существенное влияние на социальную жизнь не только путем взятия *под охрану* господствующей

щих (и регулируемых правом) общественных отношений. Это проявление его свойств, реализуемых в охранительной функции. Посредством издания соответствующих уголовно-правовых норм государство оказывает предупредительное воздействие на поведение людей в обществе. Обе эти функции, обозначаемые в теории как охранительная и предупредительная, преобразуются законодателем в задачи Уголовного кодекса (ч. 1 ст. 2 УК РФ) с указанием уголовно-правовых средств их осуществления (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что имеются определенные основания для выделения в предмете уголовного права двух его элементов, относительно самостоятельных составляющих: 1) предмета уголовно-правового *регу-лирования* (то есть правоотношений, возникших в связи с нарушением лицом уголовно-правового запрета, именуемых охранительно-регулятивными) и 2) предмета уголовно-правовой *охраны*, включающего в свое содержание отношения, возникающие в связи со вступлением уголовного закона в силу (охранительно-предупредительные).

В рамках каждого из упомянутых видов отношений осуществляется уголовно-правовое *воздействие* соответствующих норм данной отрасли права на сознание и поведение людей в обществе. По своему характеру и значимости такое воздействие является охранительным и предупредительным. Оно фактически реализуется как в ходе правоприменения, так и вне правоприменительного процесса (при вступлении в силу уголовного закона).

Такая оценка устраняет, на наш взгляд, необходимость включения в содержание предмета уголовного права сферы, которая именуется в литературе «отношениями, связанными с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания, содержащейся в уголовно-правовых нормах» [36, с. 12]. Такого рода уголовно-правовое воздействие является производным, дополнительным («субсидиарным») и осуществляется фактически не только посредством угрозы наказанием, но и в ходе реализации санкций. Путем издания уголовного закона и в процессе реализации его положений (то есть при постановке соответствующих объектов под уголовно-правовую охрану и посредством уголовно-правового регулирования отношений, возникающих в связи с нарушением уголовно-правового запрета) осуществляется уголовно-правовое воздействие на поведение людей в обществе, формируется их социально-ценностная ориентация.

8. В уголовно-правовой литературе предлагается включать в содержание предмета уголовного права отношения, которые *регулируются* управомочивающими уголовно-правовыми нормами. В их числе обычно называются те, которые наделяют граждан правом на причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния [17, с. 20; 37, с. 5]. Существует мнение, что эти отношения специфичны тем, что, реализуя свое право, гражданин вступает в определенные отношения одновременно с посягающим (при необходимой обороне) и с государством. А.В. Наумов считает эти связи правоотношениями, которые называет *регулятивными уголовно-правовыми* [6, с. 12].

Сторонники этой концепции обычно исходят из того, что такого рода отношения складываются на основе уголовно-правовых норм, которые определяют права участников общественных отношений и регламентируют правомерные формы поведения лица [29, с. 47]. Иногда их называют поощрительными [38, с. 11–16].

В юридической литературе эта научная позиция не является общепринятой, вызывает возражения, а ее аргументация подвергается обоснованной, на наш взгляд, критике.

Так, Н.В. Генрих заявляет о недопустимости «включать в круг *регулируемых* (курсив наш. – *И.Т.*) уголовным правом отношений те, которые связаны с причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния» [8, с. 82–83]. Она выражает согласие с мнением тех специалистов, которые усматривают в этих отношениях опору не на уголовный закон, а на право естественное, санкционированное государством. Они полагают, что такого рода отношения имеют не уголовно-правовой, а конституционный характер [39, с. 17–18].

Этот довод признается весомым другими учеными применительно к правовой природе необходимой обороны. «Право обороны, – подчеркивал еще Н.С. Таганцев, – не создается государством, а только признается и санкционируется им» [40, с. 194]. Классик российского уголовного права считал, что право обороны есть право естественное, присущее человеку с рождения [40, с. 196]. Однако следует обратить внимание, что представления о действительной правовой природе необходимой обороны вряд ли могут быть в полной мере распространены на природу иных обстоятельств, изложенных в главе 8 УК РФ.

Как неоднократно отмечалось, для осуществления своих задач УК РФ устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за *совершение* преступлений (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Анализ этих уголовно-правовых предписаний в их взаимосвязи с задачами УК РФ и средствами их достижения убеждает в том, что определение круга преступного и не преступного, подлежащего и не подлежащего уголовной ответственности составляет приоритетный вектор в содержании уголовного закона. С этой точки зрения нормы об обстоятельствах, исключающих *преступность* деяния (ст. 37–42 УК РФ), находятся в тесной взаимосвязи с предписаниями более общего характера (ст. 8, 10, 14, 19–22, 24–28 УК РФ). Не случайно редакционное изложение названных обстоятельств в УК РФ начинается со слов: «Не является преступлением...». Иными словами, эти уголовно-правовые нормы заключают в себе *изъятие* из содержания уголовно-правового запрета. В этом смысле они выступают как производные, вторичные, дополнительные («субсидиарные») по отношению к нормам, регламентирующим уголовно-правовой запрет и ответственность за его нарушение³.

А.А. Васильченко справедливо, на наш взгляд, полагает, что «определение в уголовном законе не являющихся преступлениями и не влекущих уголовную ответственность деяний выступает технико-юридическим приемом формулирования уголовно-правовых запретов» [35, с. 43]. Следовательно, при *правомерном* причинении вреда охраняемым законом интересам каких-либо новых отношений, нуждающихся в регулировании *уголовным правом*, не возникает. «Если соблюдены все условия правомерности поведения лица, – пишет Н.А. Лопашенко, – имеют место охранительно-предупредительные отношения» [5, с. 6].

³ В оценочной теории вины рассматриваемые обстоятельства относятся к ряду оснований, исключающих виновность лица.

Конечно, необходимость фиксации факта правомерности причинения вреда может потребовать проведения правоприменительных процедур и принятия соответствующего акта (к примеру, отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения). В этих рамках уполномоченные субъекты проводят отграничение преступного от непроступного. Подобный вид уголовно-правовой квалификации производится с опорой на уголовно-правовые предписания (ст. 8, 14, 37–42 УК РФ) в рамках возникающих охранительных уголовно-правовых отношений. Официальное признание причинения вреда *правомерным* означает, что причинитель вреда не выходит за пределы существующих общепредупредительных отношений, его поведение не связано с нарушением запрета. Наоборот, признание факта причинения вреда преступным свидетельствует о возникновении новых, охранительно-регулятивных отношений, связанных с нарушением уголовно-правового запрета.

Как отмечалось ранее, нормы, заключенные в ст. 37–42 УК РФ, в литературе обычно относят к числу управомочивающих, то есть допускающих причинение вреда охраняемым законом интересам при наличии указанных в законе обстоятельств. Их регламентация связывается с *дозволением* как методом (способом) уголовно-правового регулирования, элементом которого является наделение его участников определенными правами со стороны государства. Метод правового регулирования – категория, связанная «прочными узами» с предметом уголовного права, его целями и задачами, характером регулируемых отношений.

В уголовно-правовой науке недостаточно точно определено *место* дозволения в системе отношений, составляющих предмет уголовного права. Так, по мнению Н.А. Лопашенко, каждая их разновидность обладает своими собственными методами. Однако она склонна полагать, что метод дозволения характерен для охранительно-предупредительных отношений (наряду с методом уголовно-правового запрета), поскольку он «регламентирует признаки правомерности поведения лица при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния» [5, с. 8]. Другие ученые полагают, что метод как комбинация способов регулирования отношений связан только с теми из них, которые возникают лишь в связи с совершением преступления [8, с. 176–177].

Положения закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (ст. 37–42 УК РФ), заключены в сложную и уникальную в своем роде законодательную конструкцию, в которой указание на содержание правомерного поведения органично сочетается с запретом на причинение вреда охраняемым законом интересам при отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния, либо выходом за установленные уголовным законом пределы. Первое из названных предписаний («Не является преступлением причинение вреда...») можно рассматривать как дозволение, наделение соответствующих субъектов правомочием причинять вред охраняемым уголовным законом интересам при известных обстоятельствах. В этом значении «уголовное право есть *реализация...* (курсив наш. – *И.Т.*) конституционных норм и Конституции в целом». Однако *пределы* правомерного поведения «сформулированы все-таки именно в нормах уголовного права, – развивает эту идею А.В. Наумов, – а не в Конституции РФ...» [36, с. 11]. Здесь фактически констатируется первичность конституционных норм в определении права на причинение вреда при наличии указанных в нормах

обстоятельств, но исключительная роль уголовного права состоит в определении его границ, пределов. Следует согласиться с тем, что «дозвоительная» составляющая в рассматриваемой законодательной конструкции достаточно отчетливо не выражена. Она получает отражение в сочетании слов «не является преступлением» с другими положениями ст. 37–42 УК РФ, допускающими причинение вреда.

Возможно, и по этой причине в литературе можно встретить утверждение, что «при необходимой обороне общественно опасное посягательство представляет собой... юридический факт, порождающий для обороняющегося *право* (курсив наш. – И.Т.) на защиту и одновременную обязанность не нарушать условий правомочности причинения вреда» [17, с. 19].

С таким выводом трудно согласиться. Представляется, что при возникновении подобного источника опасности лицо обретает возможность *реализовать* предоставленные законом правомочия на причинение соответствующего вреда, а не само право на оборону.

Нельзя также согласиться с мнением, что в случае необходимой обороны причинитель такого вреда вступает в отношения только с нападающим, а не с государством, а эту связь также нельзя называть правоотношением [17, с. 19]. По этому поводу А.М. Чучаев пишет несколько иначе: в эти специфические регулятивные отношения вступает гражданин, имея контрагентами как нападающего, так и государство [37, с. 5]. Таким образом, некоторые сторонники включения в предмет уголовного права регулятивных отношений подобного типа определяют их субъектный состав указанием не только на причинителей правомерного вреда, но и на других субъектов (к примеру, посягающего), а также на государство.

Известно, что уголовное право относится к публичным, а не частным отраслям права, хотя некоторые частные начала в нем учитываются (к примеру, при реализации мер ответственности). Поэтому государство является основным звеном в структуре отношений, вызванных законодательной регламентацией обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Юридическим источником существования права лица на необходимую оборону при посягательстве на его жизнь является право естественное и санкционированное государством как основное неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения, которое, наряду с другими основными правами, определяет «смысл, содержание и применение законов» (ст. 17, 18, 20 КРФ). Уголовное право, понимаемое как одноименная отрасль, с учетом своего предмета, функций и задач облекает указанные выше права в соответствующую уголовно-правовую оболочку. Поэтому нельзя согласиться с Г.О. Петровой относительно того, что описание правомерного поведения не входит в уголовно-правовую норму [27, с. 25–26].

Существует мнение, что в рамках общепредупредительных (охранительно-предупредительных) отношений государство представлено соответствующими уполномоченными органами и должностными лицами [37, с. 4; 5, с. 5]. Думается, что это не так. Задачей последних является констатация (фиксация) факта отсутствия или, соответственно, наличия нарушения требований уголовного закона в установленном уголовно-процессуальном порядке. Признание поведения лица соответствующим требованиям правомерности при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, *исключает* уголовную ответственность в силу пред-

писаний самого уголовного закона. Оно не может быть основанием *освобождения* от нее по решению уполномоченных органов власти. Иными словами, в пределах общепредупредительных (охранительно-предупредительных) отношений при соблюдении лицом требований правомерности причинения вреда охраняемым законом интересам государство вступает в них *непосредственно* путем издания соответствующих законодательных актов, то есть без правоприменительных процедур. Последние предполагаются только при возникновении охранительно-регулятивных уголовно-правовых отношений, когда государство посредством распределения прав и обязанностей его участников указывает на возможные направления разрешения возникшего и существующего уголовно-правового конфликта. Иными словами, государство (только в лице законодателя) оказывает непосредственное уголовно-правовое воздействие на те отношения, которые возникают в связи с изданием уголовно-правового запрета. Его нарушение регламентируется в рамках охранительно-регулятивных отношений. При соблюдении лицом требований закона каких-либо особых правоотношений, отличных от охранительно-предупредительных, между государством и причинителем вреда возникать не должно.

9. Понятия «уголовно-правовое воздействие» и «уголовно-правовое регулирование» различаются между собой. Объектом *воздействия* могут быть как сами общественные отношения, так и поведение людей в их рамках. Следовательно, понятие «уголовно-правовое воздействие» является более широким и включает в себя все формы *влияния* права на нормальное функционирование отношений, *охраняемых* и иным образом *обеспечиваемых* средствами уголовного закона.

Представляется возможным рассматривать содержание предмета уголовного права как органическое *сочетание* охранительно-предупредительных и охранительно-регулятивных (уголовно-регулятивных) отношений. Можно согласиться с тем, что последние возникают на фоне охранительно-предупредительных отношений, означающих наличие юридической связи между государством и лицами, находящимися под юрисдикцией действующего уголовного закона.

Причинение вреда охраняемым законом интересам при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), рассматривается как правомерное поведение. Уголовно-правовое воздействие в данном случае осуществляется посредством установления в уголовном праве управомочивающих предписаний, сочетаемых с уголовно-правовым запретом, заключенным в соответствующих статьях Общей и Особенной частей УК РФ. Управомочивающие уголовно-правовые нормы иного порядка могут быть реализованы в рамках охранительно-регулятивных отношений, связанных с вопросами возложения уголовной ответственности либо освобождения от нее.

Источники

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ 30 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

КРФ – Конституция Российской Федерации (принята 12 дек. 1993 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек. – № 237.

Литература

1. Курс советского уголовного права: Часть общая: в 6 т. / Редкол.: А.А. Пионтковский и др. – М.: Наука. – Т. 1: Уголовный закон. – 1970. – 311 с.
2. *Пионтковский А.А.* Правоотношения в уголовном праве // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 86–96.
3. *Дурманов Н.Д.* Советский уголовный закон. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 319 с.
4. *Трайнин А.Н.* Система Общей части уголовного права // Сов. государство и право. – 1946. – № 5–6. – С. 9-20.
5. *Лопашенко Н.А.* Введение в уголовное право. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 224 с.
6. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – Т. 1: Общая часть. – 768 с.
7. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 1994. – 360 с.
8. *Генрих Н.В.* Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. – М.: Норма; Инфра-М, 2011. – 320 с.
9. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 588 с.
10. *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – 192 с.
11. *Радько Т.Н.* Теория государства и права. – М.: Рос. акад. адвокатуры, 2001. – 412 с.
12. *Алексеев С.С.* Общая теория права: Курс в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 359 с.
13. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1972. – 258 с.
14. *Фролов Е.А.* Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1971. – 53 с.
15. *Козаченко И.Я.* Уголовное право. Общая часть. – М.: Норма, 2019. – 373 с.
16. *Козаченко И.Я.* Предмет уголовного права: содержание и структура // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 6. – С. 80–90.
17. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2014. – 879 с.
18. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления: методологические аспекты. – М.: НОРМА, 2001. – 198 с.
19. *Таций В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988. – 198 с.
20. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
21. *Рыбушкин Н.Н.* К вопросу об особенностях предмета и метода уголовно-правового регулирования общественных отношений // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 3. – С. 135–140.
22. *Рыбушкин Н.Н.* Теоретические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений: особенности предмета и метода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – № 6. – С. 171–179.
23. Уголовное право России. Общая часть. – М.: Статут, 2016. – 862 с.
24. *Номоконов В.А.* Преступное поведение: детерминизм и ответственность. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 157 с.
25. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, Н.И. Малько. – М., 2000: Юристъ. – 776 с.

26. Проблемы теории права и правореализация / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. – М.: Статут, 2017. – 384 с.
27. *Петрова Г.О.* Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. – 192 с.
28. *Пудовочкин Ю.Е.* Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / Под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. – Т. 1: Понятие уголовного права. – С. 108.
29. *Яцеленко Б.В.* Противоречия уголовно-правового регулирования. – М.: МЮИ, 1996. – 228 с.
30. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.
31. *Маркс К.* Сочинения: в 30 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1: [1839–1844 гг.]. – 696 с.
32. *Ляпунов Ю.И.* Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 48–52.
33. *Огурицов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1976. – 206 с.
34. *Пикуров Н.И.* Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ, 1998. – 219 с.
35. *Васильченко А.А.* Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. – М.: Ось-89, 2006. – 208 с.
36. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 2004. – Т. 1: Общая часть. – 495 с.
37. Уголовное право России: части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2004. – 696 с.
38. *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 329 с.
39. *Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 100 с.
40. *Таганцев Н.С.* Российское уголовное право: лекции: часть общая: в 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.

Поступила в редакцию
15.02.2021

Тарханов Ильдар Абдулхакович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель юридического факультета, профессор кафедры уголовного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: itarhanov@mail.ru

**Debatable Issues in Describing Criminal Law,
Its Subject, and Ways of Criminal Law Regulation***I.A. Tarkhanov**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: itarhanov@mail.ru*

Received February 15, 2021

Abstract

This article discusses the results of an analysis of the extensive doctrinal and normative material on the essence of criminal law, its subject, and the ways of criminal law regulation. The argumentation is built up as several thematic blocks that allow one to approach the problem under consideration from different angles. Various aspects of the phenomenon of criminal law were studied. It was revealed that criminal law plays a regulatory role in certain spheres of social life and that the term “criminal law” has no clear definition, i.e., different meanings are attributed to criminal law in the legal sources under study, which should be taken into account while trying to understand its nature and features. It was concluded that the state (as a legislator) has a direct criminal law influence on such relations that arise in connection with the criminal law prohibition and that there are some differences between the concepts of “criminal law influence” and “criminal law regulation”. The concept of “criminal law influence” is broader and includes all forms of the impact of law on the normal functioning of the relations protected and ensured by means of criminal law.

Keywords: criminal law, subject of criminal law, doctrine of law, criminal prosecution, necessary defense, content of criminal law, criminal law relations

References

1. *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava: Chast' obshchaya* [A Course of Soviet Criminal Law: General Part]. Vol. 1: Criminal law. Piontkovskii A.A. et al. (Eds.). Moscow, Nauka, 1970. 312 p. (In Russian)
2. Piontkovskii A.A. Legal relations in criminal law. *Pravovedenie*, 1962, no. 2, pp. 86–96. (In Russian)
3. Durmanov N.D. *Sovetskii ugolovnyi zakon* [Soviet Criminal Law]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1967. 319 p. (In Russian)
4. Trainin A.N. System of the General Part of Criminal Law. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, 1946, nos. 5–6, pp. 9–20. (In Russian)
5. Lopashenko N.A. *Vvedenie v ugolovnoe pravo* [Introduction to Criminal Law]. Moscow, Wolters Kluwer. 2009. 224 p. (In Russian)
6. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs leksii* [Russian Criminal Law: A Course of Lectures]. Vol. 1: General part. Moscow, Wolters Kluwer, 2011. 768 p. (In Russian)
7. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Lazarev V.V. (Ed.). Moscow, Yurist", 1994. 360 p. (In Russian)
8. Genrikh N.V. *Predmet i metod ugolovno-pravovogo regulirovaniya: istoriya, teoriya i praktika* [The Subject and Method of Criminal Law Regulation: History, Theory, and Practice]. Moscow, Norma, Infra-M, 2011. 320 p. (In Russian)
9. *Filosofskii slovar'* [Dictionary of Philosophy]. Frolov I.T. (Ed.). Moscow, Politizdat, 1986. 588 p. (In Russian)

10. Kudryavtsev V.N. *Pravo i povedenie* [Law and Conduct]. Moscow, Yurid. Lit., 1978. 192 p. (In Russian)
11. Rad'ko T.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Ross. Akad. Advokatury, 2001. 412 p. (In Russian)
12. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 1. Moscow, Yurid. Lit., 1981. 359 p. (In Russian)
13. Gorshenev V.M. *Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Ways and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialistic Society]. Moscow, Yurid. Lit., 1972. 258 p. (In Russian)
14. Frolov E.A. The object of criminal law protection and its role in combating the assaults on the socialist property. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Sverdlovsk, 1971. 53 p. (In Russian)
15. Kozachenko I.Ya. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow, Norma, 2019. 373 p. (In Russian)
16. Kozachenko I.Ya. The subject of criminal law: Scope and structure. *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2012, no. 6, pp. 80–90. (In Russian)
17. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General Part]. Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. (Eds.). Moscow, Statut, 2014. 879 p. (In Russian)
18. Novoselov G.P. *Uchenie ob ob"ekte prestupleniya: metodologicheskie aspekty* [The Doctrine of Crime Object: Methodological Aspects]. Moscow, Izd. NORMA, 2001. 198 p. (In Russian)
19. Tatsii V.Ya. *Ob"ekt i predmet prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave* [Object and Subject of Crime in Soviet Criminal Law]. Kharkiv, Vishcha Shk. Izd. Khar'k. Univ., 1988. 198 p. (In Russian)
20. Korzhanskii N.I. *Ob"ekt i predmet ugolovno-pravovoi okhrany* [The Object and Subject of Criminal Law Protection]. M., 1980. 248 p. (In Russian)
21. Ribushkin N.N. On the subject and method of the regulation of social relations in criminal law. *Aktual'nye Problemy Ekonomiki i Prava*, 2008, no. 3, pp. 135–140. (In Russian)
22. Ribushkin N.N. The problems of regulating social relations in criminal law: Specific features of subject and method. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2007, vol. 149, no. 6, pp. 171–179. (In Russian)
23. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Russia. General Part] Moscow, Statut, 2016. 862 p. (In Russian)
24. Nomokonov V.A. *Prestupnoe povedenie: determinizm i otvetstvennost'* [Criminal Behavior: Determinism and Responsibility]. Vladivostok, Izd. Dal'nevost. Univ., 1989. 157 p. (In Russian)
25. *Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lektsii* [Theory of State and Law: A Course of Lectures]. Matuzov N.I., Mal'ko N.I. (Eds.). Moscow, Yurist", 2000. 776 p. (In Russian)
26. *Problemy teorii prava i pravorealizatsiya* [Problems of Law Theory and Law Enforcement]. Bakulina L.T. (Ed.). Moscow, Statut, 2017. 384 p. (In Russian)
27. Petrova G.O. *Norma i pravootnoshenie – sredstva ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Legal Norm and Legal Relation – Means of Regulation in Criminal Law]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Univ., 1999. 192 p. (In Russian)
28. Pudovochkin Yu.E. Criminal law: Concept, subject, method, system, and tasks. In: *Entsiklopediya ugolovnogogo prava* [Encyclopedia of Criminal Law]. Vol. 1: The concept of criminal law. Malinin V.B. (Ed.). St. Petersburg, Izd. Prof. Malinin, 2005, p. 108. (In Russian)
29. Yatselenko B.V. *Protivorechiya ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Contradictions in Criminal Law Regulation]. Moscow, MYuI, 1996. 228 p. (In Russian)
30. Kuznetsova N.F. *Prestuplenie i prestupnost'* [Crime and Criminality]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1969. 232 p. (In Russian)
31. Marx K. *Sochineniya* [Essays]. Vol. 1: [1839–1844]. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 696 p. (In Russian)
32. Lyapunov Yu.I. Criminal law: Subject and method of regulation and protection. *Ugolovnoe Pravo*, 2005, no. 1, pp. 48–52. (In Russian)
33. Ogurtsov N.A. *Pravootnosheniya i otvetstvennost' v sovetskom ugolovnom prave* [Legal Relations and Liability in Soviet Criminal Law]. Ryazan, Izd. RVSh MVD SSSR, 1976. 206 p. (In Russian)

34. Pikurov N.I. *Ugolovnoe pravo v sisteme mezhotraslevykh svyazei* [Criminal Law in the System of Intersectoral Linkages]. Volgograd, VYuI, 1998. 219 p. (In Russian)
35. Vasil'chenko A.A. *Vzaimosvyaz' ugolovno-pravovykh i ugolovno-protsessual'nykh otnoshenii* [Interrelation of Criminal Law and Criminal Procedure Relations]. Moscow, Os'-89, 2006. 208 p. (In Russian)
36. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Kurs lektsii* [Russian Criminal Law. A Course of Lectures]. Vol. 1: General part. Moscow, Yurid. Lit., 2004. 495 p. (In Russian)
37. *Ugolovnoe pravo Rossii: chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal Law of Russia: General and Special Parts]. Rarog A.I. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2004. 696 p. (In Russian)
38. Tarkhanov I.A. *Pooshchrenie pozitivnogo povedeniya v ugolovnom prave* [Encouraging Positive Behavior in Criminal Law]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 329 p. (In Russian)
39. Zvecharovskii I.E. *Sovremennoe ugolovnoe pravo Rossii* [Modern Criminal Law in Russia]. St. Petersburg, Yurid. Tsentr, 2001. 100 p. (In Russian)
40. Tagantsev N.S. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: lektsii: chast' obshchaya* [Russian Criminal Law: Lectures: General Part]. Moscow, Nauka, 1994. 380 p. (In Russian)

Для цитирования: Тарханов И.А. Дискуссионные вопросы характеристики уголовного права, его предмета и способов уголовно-правового регулирования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 2. – С. 86–106. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.2.86-106.

For citation: Tarkhanov I.A. Debatable issues in describing criminal law, its subject, and ways of criminal law regulation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 2, pp. 86–106. doi: 10.26907/2541-7738.2021.2.86-106. (In Russian)